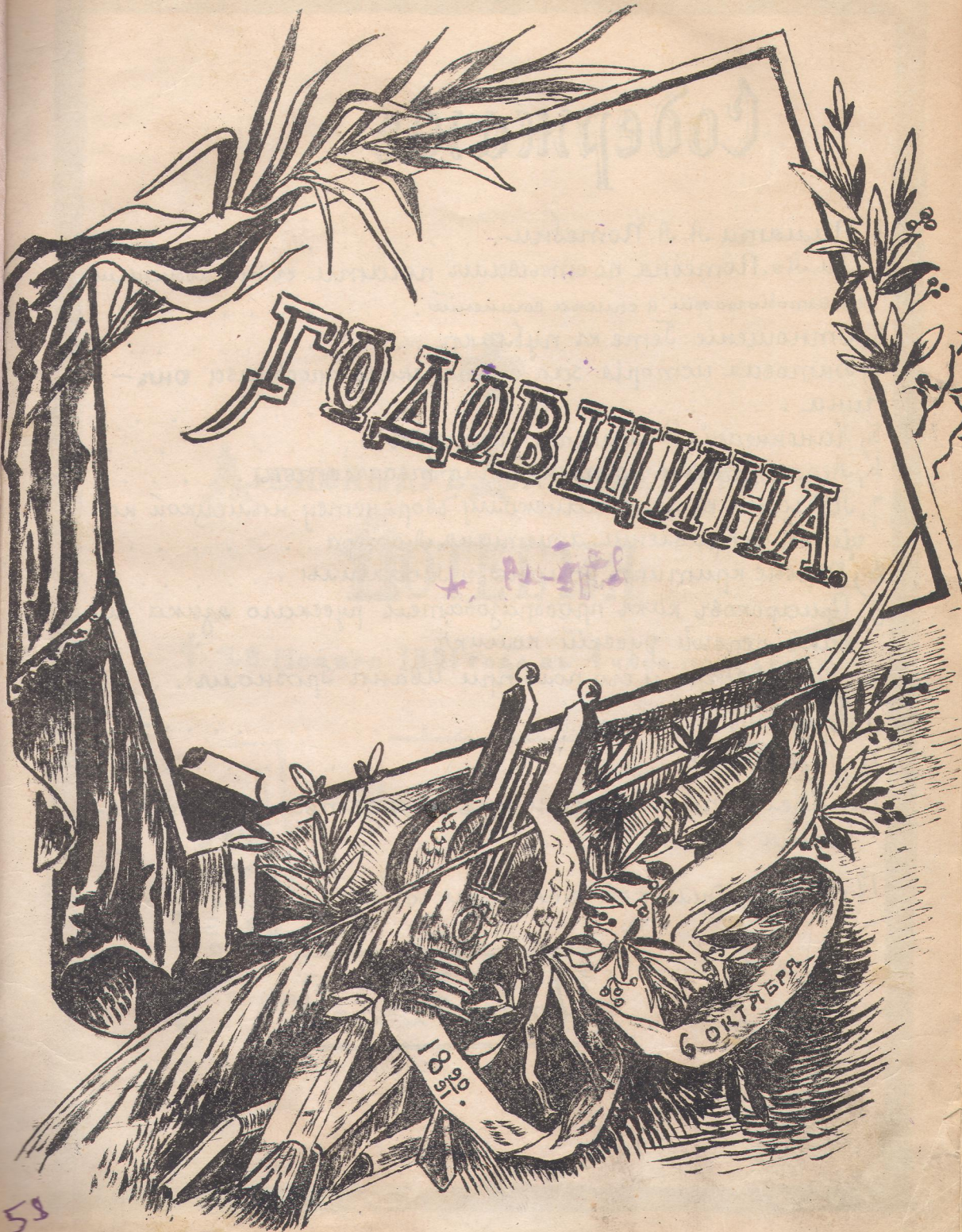

ГОДОВЩИНА

Содержаніе

1., Памяти А. А. Потебни	2
2., Ал. Ав. Потебня по отзывамъ печати съ приложением его автобіографіи и списка сочиненій	5.
3., Отношеніе Гете къ публикѣ	49.
4., Бытовая исторія зап. европейскаго прообраза онг- ина	63.
5., Канонизація Димитрія уланскаго	69.
6., Лермонтовъ о поэтическомъ творчестве	89.
7., Посланіе къ христіанскому дворянству нѣмецкой на- ціи объ исправленіи христіанъ Лютера	115
8., Первые критики Руслана и Людмилы	123
9., Сумароковъ какъ преобразователь русскаго языка и какъ первый русскій комикъ	137.
10., Сильвестръ и его роль при Иванѣ Грозномъ	147.
11., Жуковъ	162
12., Изъ Гейне	168
13., Императоры и ихъ словеса при воспи- таніи	169
14., Очеркъ римской исторіи Нице	177.

Цѣна 92 коп. ®

84

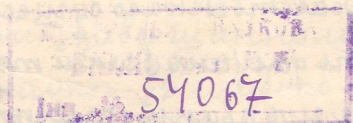

АЛЕКСАНДРЪ АНАСЬЕВИЧЪ

ПОТЕБНЯ

† 29 Ноября 1891 года въ 4 часа пополудни.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА
29838

М 54067
196/34 р.

Презервано
1936

Аленте I. 66

Паллантида
Александра Аванкаевича Потемкина.

Великого ученого не стало!
Въ его жизнь наука потеряла
Одинъ изъ першювъ своего вѣнца,
Ученики — наставника отца,
А общество лишилось „теловѣка“.

Святое, благородное стремленье
Къ познанью истины — его девизомъ было,
И этой девизу неизлѣнно
Онъ оставался вѣрнымъ до конца!
Науку безкорыстного служенья,
Столь рѣдкое въ практической нашей вѣкъ,
„Любовь къ науке для науки“ — вотъ
То качество безцѣнно-дорогое
Которое покойнаго подняло
До трудно-достижимой высоты
„Разумно-нравственного существа“,
Какимъ быть долженъ всякій тотъ, кто носитъ
„Святѣйшее изъ званій: теловѣкъ“.
Онъ былъ не только истиннымъ членомъ,
Который прозрѣвалъ орисными очами
Наиболѣе изгнѣныя нашей мысли,

Но и властью неотъемлемым даром
 Внушать своим ученикам, любовь
 Къ науке для науки. Какъ учитель,
 Какъ укрѣпитель слабаго ума,
 Какъ возбудитель сокровенныхъ силъ
 Духовно-нравственныхъ, незамѣнимъ покойный.
 Какъ "человѣкъ" онъ созрѣвшихъ вполне
 Святой звать Спасителя-Христа:
 Онъ ближнему въ сердце возлюбилъ.....
 Хозяинъ полный въ области науки,
 Онъ никогда не отпадалъ изъ нея
 Орудья, какъ орудіе, противъ истинно
 Евангельскихъ.....

Учитель дорогой!

Покойся съ миромъ! Ты исполнилъ свято
 Задачу жизни нашей: на алтаре
 Для жертвы чествованію ты внесъ
 Бездѣльный даръ, во вѣки незабвенный!
 Скончался ты, но твой великій духъ
 На много лѣтъ тебя переживетъ,
 Переживетъ въ бездѣльно-дорогомъ
 Наследіи, заповѣданномъ тобой
 Родной наукѣ - въ глубоко-правдивомъ
 И добросовѣстномъ твоимъ трудѣмъ!
 Покойся съ миромъ! Все, что касалось
 Вліянья благотворное твое,
 Кто быль твоимъ ученикомъ, кто слышалъ
 Твое исполненное строгой правды

И глубоко-продуманное слово,
Кто разгадает тебя, кто понимает
Гривы дотя нежного, кто проникся
Твоими оживотворявшими духом-тп
Не перестанутъ возносить мольбы
Къ престолу Вышнему за упокой
Твоей души!.... Наставникъ незабвенный,
Навекъ прости! Миръ прагу твоему!

и.

Александра Афанасьевича Поттебня по отзывамъ печати
(въ приложеніи автобіографіи Ал. А. и списка его сочиненій)

Пособія: 1. Липинъ „исторія русской этногр. т. II и III
2. Н. С. „ по поводу 30^{ти} лѣтія служебной дѣятельности
профессора Ст. А. Поттебни. — Киевск. старина 20
1887 г. 5-6 кн. 3. Ламанскій. „ Жив. опар. 1891 г. вып.
2-3 4. П. Лавровскій „ разбор изслѣдованія По-
ттебни: „о лингв. значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ
и повѣрій. — Извѣстія въ импер. общ. истор. и древн.
20 1866 г. кн. 2^а 5. Сборники Харьковск. истор. фил.
общества т. 2-3. 6. Будимовичъ. Ж. М. Н. Пр. 1889 г. III.

Въ сочиненіи я не могъ достать нигдѣ еще
одного интереснаго пособия: „Срезневскій. — Записка
о трудахъ профес. Ал. Поттебни, представлен-
наго во II отдѣлѣ Академіи Наукъ.

Наша критика отзывалась о Поттебнѣ ма-
ло и очень рѣдко. Собственно критическихъ отзы-
вовъ мнѣ извѣстно только два Лавровскаго, и
Срезневскаго и оба они относятся къ сравнитель-
но раннему періоду научной дѣятельности
Ал. А. Позднѣе встрѣчаемъ лишь нѣскѣз жур-
нальных замѣтокъ¹⁾ о вновь появившихся трудахъ

¹⁾ Въ русскихъ периодическ. органахъ посвященіи философіи равно и въ
„Archiv für Slavische Philologie“ много.

Потребни, да пошемику различныхъ ученыхъ, занимавшихъ
ся тѣми же вопросами, которые раньше изслѣдо-
ваны были Потребней (таковы: Житнецкій, Колосовъ,
Баресовъ и др.) Полемика эта кружилась обыкно-
венно около частностей, феташей известнаго во-
проса, почти не касаясь общей оцѣнки взглядовъ
Потребни. - Повидимому ученые эти, быть можетъ,
и не вполне отчетливо сознавали мощь Потребни
и потому не рѣшались вступать съ нимъ въ споръ
по вопросамъ болѣе общимъ. Въ позднѣйшее время
являются попытки представить общую оцѣнку
заслугъ Ал. Ав. въ науку и опредѣлить его мѣ-
сто въ ряду европейскихъ ученыхъ. На этихъ по-
пыткахъ я главнымъ образомъ и остановлю свое
вниманіе, такъ какъ въ нихъ само собою входятъ
и отзвѣвы объ отчужденныхъ трудахъ Потребни.

Слѣдуетъ оговориться, что я начну не съ біографи-
ческихъ свѣдѣній, какъ можно было бы ожидать.
Свѣдѣнія эти мы найдемъ въ автобіографіи Ал.
Ав., которую, какъ резюме всякаго мѣня, мнѣ ка-
жется болѣе удобнымъ поставить въ концы.

Начинаю свой обзоръ съ мѣня Пытика, какъ на-
иболѣе пространнаго и сравнительно рѣзко ото-
роннаго.

Всю научную дѣятельность Ал. Ав. Пытикъ
раздѣляетъ на три періода: 1, работа въ обла-
сти лингвистики 2, раб. чисто - филологическихъ

и 3^ю, и наружной поэзии (куда входят и мифологические и филологические элементы). В изложении все своимъ. Выпущенъ такого порядка почему то не придерживается; я нахожу более удобнымъ сохранить порядокъ периодовъ такъ, какъ это дѣлается согласно хронологіей.

Въ опредѣленіи метода и задачи изслѣдованій Потемни Выпущенъ постоянно ссылаются на Срезневскаго и Лавровскаго, за что нужно воздать хвалу Выпущену, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ, не будучи специалистомъ по филологіи, могъ надрѣзать грубыхъ ошибокъ, что отчасти и сказано въ разборѣ 3го периода дѣятельности Потемни, гдѣ Выпущену не на кого было сослаться.

Послѣ этихъ преувѣзительныхъ замѣчаній, обращаются къ первому периоду дѣятельности Потемни, какъ она изображена Выпущеннымъ.

Время, когда появились первые труды Потемни по русской мифологіи, было время господства Гриммовской школы. Потемня, какъ и другіе изслѣдователи, „не извѣдалъ крайностей гриммовской школы.“ Подробно своимъ предшественникамъ и современникамъ Потемня не далъ объясненій древнихъ мифовъ и почти не затронулъ „историческую сторону мифологическаго развитія“, хотя и приступилъ къ дѣлу съ сильнымъ оружіемъ основатель-

ного филологического знания и обширной эрудицией." Попытка А. А. объяснить некоторые явления в области русской мифологии, по мнению Пыпина, окончились неудачей потому, что положенія Гримма, основанныя на обширной и разработанной германской мифологии, слишком не приложимы „къ сравнительно скудному материалу нашего преданія." — Мне лично это мнение Пыпина относительно неудачи попытки А. А. и скудости нашего преданія кажется неутверненным: въ то время (60-70 г.г.) было уже собрано довольно много материала из области народного мировоззрѣнія и было уже нѣсколько издѣдованій въ этой области; но наши противники мифологической теории всегда опровергали и будутъ опровергать значеніе русскаго мифа. — Впрочем, мнение Пыпина не самостоятельное: онъ ссылается, повидимому, съго Лавровскому, не имѣвшему проведенный разборъ наиболее важнаго въ этой области труда Потебни*. Поэтому я надолго лужинный обрадуюсь съ первоисточнику, имѣя сличать Пыпина.

Въ своемъ разборѣ малостережковой диссертации Потебни Лавровскій прежде всего указалъ на трудность и неразработанность вопроса какъ въ европейской литературѣ вообще, такъ въ русской въ особенности. Признавая за авторомъ большую капитанность и обстоятельное знаком-

* „О мифологическомъ знач. некоторыхъ обрядовъ и поверій".

сто съ лучшими трудами по разбираемому вопросу въ западной литературѣ, Лавровскій совершенно отказывается Потебнѣ въ пониманіи метода, съ ка-кимъ слѣдовало бы приступать къ столь темной наукѣ, какой являлась въ то время мифология. „Лишь историческій методъ, говоритъ Лавровскій, въ состоя- ній вывести пытливый умъ изъ этого, истинно, хаоса на свѣтлую и торную дорогу, и его то при- знаемъ мы безусловно необходимымъ въ нашей едва зачинающейся наукѣ“ (Лавр., разб. стр. 42) Этотъ историческій методъ непримѣнимъ, тамъ нужно призвать на помощь сравнительное языко- знаніе. Отсюда вытекаетъ у Лавровскаго слѣду- ющая, формулировка метода мифологическихъ изы- сканій: „Предварительное увѣненіе общихъ основныхъ мифовъ, что неразлучно съ историческимъ возведе- ніемъ современной перепутанности по возможно- сти къ древнѣйшему и чистѣйшему виду и серъ- езное и осторожное употребленіе въ помощь сравни- тельнаго языкознанія, — вотъ правильный и надеж- ный приемъ, оправданный въ мифологической ли- тературѣ запада.“ (ib. стр. 72) — Потебнѣ извѣстенъ и этотъ методъ и лучшія сочиненія, написан- ныя по такому методу, по этимъ приемамъ, — однако же пользованіе ими, замѣт. Лавровскій, представляется скорее дѣломъ случая, по край- ней мѣрѣ тамъ-то вышедшимъ, приставленнымъ

механически, а не органически связаннымъ съ цѣлымъ составомъ разсужденій" (ib. 41). „Вообще указанія на историческія факты въ изслѣдованіи 1. Потребны лишь свѣдѣніями его знаній или предчувствіямъ, что они должны быть введены въ ходъ, то безъ справокъ съ нѣмъ трудно обойтись; но способъ введенія исторіи въ дѣло отличается явными странностями, чтобы не сказать прямо недостатками" (ib. стр. 93). Затѣмъ идутъ указанія на эти неточности, нередко заключающіеся въ такомъ или иномъ толкованіи известной выписки изъ памятника, того или иного поэтическаго образа и. т. п. Неспециалисту невозможно рѣшить, дѣйствительно ли это неточности, или все только свидѣствіе субъективнаго мнѣнія. Приводитъ онъ здѣсь нѣтъ смысла, желаящихъ все познающемуся отъ этими возраженіямъ поосновательные отсылки къ „разбору“ Лавровскаго стр. 10-100". Заключиваетъ свое изслѣдованіе Лавровскій признаніемъ въ полезности и добросовѣстности труда, не отрицая пользы для науки, по крайней мѣрѣ со стороны подбора фактовъ славянскаго матеріала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ". (стр. 102).

При оцѣнкѣ этого разбора не слѣдуетъ забывать, что написанъ онъ учителемъ и руководителемъ.

тешить о трудъ своего духовнаго питомца. Новая
мысли и взгляды, высказываемые Потебней, могли ка-
заться Лавровскому чуждыми, несообразными съ
его взглядами и потому неправильными. Таково
напр., сужденіе Лавровскаго о непониманіи Потебней
метода изслѣдованія. Самъ же Лавровскій говоритъ,
что А. А. былъ хорошо извѣстенъ этотъ методъ и
лучшіе труды въ этомъ направленіи. Погомъ не
менше онъ не пошелъ по этому торному пути,
очевидно не безъ основанія, въроятно отыскивая лучшій.
Затѣмъ толкованіе нѣкоторыхъ словъ, мнѣтъ изъ
древн. памятниковъ и различныхъ поэтическихъ
и мифическихъ образовъ какъ у Лавровскаго, такъ и
у Потебни носятъ, какъ я уже сказалъ, субъективный
характеръ, и все изъ этихъ толкованій ближе къ исти-
нѣ, рѣшить трудно. Несомнѣнно, однако, что Лавров-
скій ставилъ трудъ Потебни довольно высоко, на то
указываетъ и тщательность, съ какою Лавровскій
изучалъ каждую деталь этого труда, труда, на-
писаннаго начинающимъ ученымъ.^{x)}

Итакъ оказывается, что Гиппинъ, пользуясь въ
сущности мифологическими трудами Потебни статью
Лавровскаго, вставилъ отъ себя нѣсколько строкъ
о неудачѣ попытки А. А. и о скудости матери-
ала по славянской мифологіи, и тѣмъ обнаружилъ
и свое непониманіе статьи Лавровскаго, и извращен-
ное значеніе мифологическихъ трудовъ Потебни.

^{x)} В то время когда извѣстныхъ фактъ ученія спланировалъ въ большинствѣ случаевъ поспѣшно

Во всякомъ случаѣ эта область научной дѣятельности Потебни остается до сихъ поръ неразъясненнымъ и ждетъ новаго изслѣдователя. Большую помощь этому изслѣдователю окажутъ труды самого же Потебни по народной поэзіи, ильтоуіе, какъ я уже замѣтилъ, связь съ мифологіей.

Переходя къ чисто-филологическимъ трудамъ Потебни, Пытинъ старается прежде всего уяснить взглядъ Потебни на современное состояніе языка и на способы изученія языка вообще. Для рѣшенія этого труднаго вопроса Пытинъ приводитъ слѣдующія слова Фрезера: „Для уясненія строя даже этой доли языка [вмѣне говорилось, что филологу никакимъ образомъ нельзя ограничиться изученіемъ современнаго л-наго языка] наблюдатель изслѣдователь долженъ развѣнчать свой кругозоръ и въ ширь (въ область) — въ область языка народнаго, и въ глубь — въ область языка времени прошедшаго, тайна и тайна при помощи языковъ иностранныхъ. Но развѣ вѣдѣши въ эти области, не можетъ уже онъ (если только не пожелаетъ стѣснить кругъ своихъ наблюдений, или не можетъ поддаться пристрастію къ современному литературному языку, какъ къ единственному важному) въ какомъ бы то ни было отношеніи) переимѣнить срединной точки своихъ наблюдений. Средину его кругозора, если не какъ чело

но (см. напр. отчеты о присужденіи Уваровскаго пріемн или Зап. Академіи Наукъ за 60-е годы

внимательная действительность то, по крайней мере, как некий образ бывшего и минувшего займетъ ^{то} древній языкъ, отъ котораго какъ вътви пошли все местные нарѣчія и говоры, и который во всякъ своей вътвѣ перемѣнялся и самъ по себѣ и подлѣ ствѣ разныхъ обстоятельствъ. Книжный, общеофен- ный языкъ или будетъ уваженъ, какъ самая важная изъ вътвѣй языка, какъ главный проводникъ и хра- нитель образованности народа; но все таки какъ одна изъ вътвѣй, да и какъ вътвь отъ вѣтви, только берущая соки не отъ одной вѣтви, а отъ разныхъ, отъ самаго корня языка." (Срезн. "Записки" стр. 148³ по Пытину).

Въ этихъ словахъ по мнѣнію Пытина, довольно верно переданы взгляды Потебни, а чтобы еще больше подтвердить справедливость своего мнѣ- нія, Пытинъ обращается къ сочиненіямъ самого А. А. и приводитъ слѣдующее мѣсто: „Прежде соз- даннаго въ языкъ двояко случится основаніемъ новому: частью оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ чужомъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда больше-менше перестроится оставшимися наружн. образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту легкость поверхности языка, напр. то, что обороты „Я былъ купецъ" и „Я былъ купцомъ", стоящіе ря-

формы въ нынѣшнемъ языкѣ, неодновременны по происхожденію и не однородны, но построены по разнымъ планамъ; стараясь сколько нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ повераности языка слышаны разнохарактерныя явленія, выходя изъ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснитъ ихъ характеръ, поставивши ихъ въ ряды другихъ съ ними однородныхъ. Явленія представляемыя составными членами предложенья, принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоениямъ, общимъ славянскому языку съ другими индо-европейскими." (Зап. по русск. грам. Изд. 1^е отд. III 1-2 стр.)^{*}

Такъ можно видѣть изъ сопоставленія этого мѣста изъ Потебни съ вышеприведенной цитатою, Срезневскій вѣрно понялъ взглядъ Потебни на составъ современнаго языка. Еще болѣе правильно и метко опредѣляетъ Срезневскій манеру Потебни говорить: "нѣтъ ни суетливости послѣдственности въ присканіи исхода, ни позы въ упорствѣ стоять на своемъ, ни щеголанія навизу. Видимъ простой, покойный трудъ ученаго, у котораго нѣтъ заднихъ мыслей и побужденій, кромѣ желанія узнать узнаваемое какъ можно вѣрнѣе." (Записка по вып. 150 стр.) Къ этой характеристикѣ Пытинъ дѣлаетъ довольно существенное дополненіе, отмѣчая, въ изложеніи сократость языка,

^{*} Д. Пытинъ по забывчивости или дурной привычкѣ не указываетъ иногда источника, откуда онъ беретъ цитату, что случилось и въ данномъ мѣстѣ. Поэтому неразисканную иногда цитату я отмѣчаю по Пытину.

въ новѣйшихъ трудахъ пріобрѣтающая, какъ
зрится, всё болѣе лапониизмъ" (Пып. т. II стр. 150²).
Этотъ лапониизмъ, какъ извѣстно, вытекаетъ
изъ взгляда Ал. Ав. на злоупотребленіе словомъ,
какъ на святотатство.

Покончивъ такимъ образомъ со взглядами Потебни на
языкъ, и съ опредѣленіемъ его метода писать, Пыпинъ
было оперируетъ заслуги Ал. Ав. въ области филологіи
(Упоминаетъ объ установленіи Потебней грамматики русск. язы-
ка на слав. и южн. нарѣчіяхъ, и особенно превозноситъ заслуги
Ал. Ав. въ области русск. синтаксиса, "гдѣ, быть можетъ, ни-
то изъ преуспѣвшихъ филологовъ не сдѣлалъ столько важнѣйшихъ
замѣчаній и настоящихъ открытій.").

Для произнесенія окончательнаго приговора филологи-
ческимъ трудамъ Ал. Ав. Пыпинъ снова обращается къ Брезнев-
скому, который видитъ въ трудахъ Потебни, "выполненіе
грамматикъ по возможности цѣльно и критически предста-
вить всеобщія явленія грамматическаго строя языка во-
обще, примѣнительно къ строю языка русскаго. Такого
цѣльнаго филологическаго разбора строя русскаго языка у
насъ ещё не было" *).

Въ общихъ взглядахъ на филологическія труды По-
тебни сходится съ Брезневскимъ и Тудиловичъ, подробно
останавливаясь на важнѣйшихъ изъ этихъ трудовъ
— "Запискахъ по русск. грамм." (— по поводу выхода ихъ 2-мъ изданіемъ).

*) У Пыпина эта цитата приведена на стр. 150² II т., стра-
ница же на которой помѣщено это мѣсто у Брезневскаго, по обык-
новенію не указана.

- Изъ предшественниковъ Александра Аванас-
евича занимавшихся вопросами русской и сла-
вянской филологии, ни одинъ не останавливался
подробно, ни одинъ не изучалъ глубоко синтак-
сической стороны языка. Даже Миклошичъ,
по словамъ Гурдилова, остановившаяся на
поверхности синтаксическихъ явлений, не
сдѣлавъ попытки Блюмфельда опредѣлить раз-
ные типы предположенія, взаимное отноше-
нiе и значенiе отдѣльных его членовъ. За-
дача эта впервые и блпстательно разрѣ-
шена профессоромъ Потемнѣй." (Гурдил. Ж. м.
Н. П. 1889 г. кн. 3^я 206.). Исходя изъ Гумбольд-
товскихъ положенiй о строенiи и развитiи
языковъ, Потемнѣй, разобралъ по косточкамъ
господствовавшее у насъ тогда, (- по всей въ-
роятности Гурдиловъ разсуждаетъ здѣсь
70-е годы, когда вышло первое изданiе „За-
писокъ“ -), да и теперь, логическую систему
синтаксиса, какъ она изложена въ «Опытѣ»
Гуцаева, и доказалъ полное несогласiе этой
искусственной системы ни съ законами
логики, ни съ эмпирическими данными срав-
нительнаго языковѣдѣнiя. — „На развали-
нахъ этого логическаго или, лучше сказать,
нелогическаго синтаксиса, основаннаго на
ошибочномъ предположенiи о тождествѣ
судженiй съ предположенiемъ, а что заключе-

ний с периодом, профессор Потемкин успевает заложить основы нового, грамматического, так сказать, синтаксиса, который отирается от форм грамматического языка и превращается в грамматический исторический и сравнительного языковедения." (стр. 207 ²).

Чтобы утвердить свою теорию, Потемкин взял один из частных вопросов русского синтаксиса («о составных членах предложения и ихъ значенияхъ въ русскомъ языкѣ») и къ нему попытался приложить свои методы исследования. Опыт оказался блестящимъ: у А. А. скоро явились последователи въ средѣ ученыхъ, а въ позднѣйшее время идеи его стали прививаться и въ т. наз. „Большой публикѣ". (на это указываетъ уже потребность во 2-мъ изданіи „Записокъ"). „Если въ школьныхъ учебникахъ и теперь еще держится опровергнутая профессоромъ Потемкинымъ система «логическаго синтаксиса», то это объясняется консерватизмомъ жизни и общою слабостью взаимодѣйствія между л-рою ученого и спеціальною." (школьною, вѣроятно). „Но произведенъ еще десятокъ лѣтъ и сбивчивый „логическій синтаксисъ" отойдетъ въ область преданій, смѣнившись болѣе простымъ, стройнымъ, яснымъ, а главное — естествен-

ственно-научным синтаксисом Потебни
(стр. 208^я)

Распространению „Записок“ Потебни мно-
го способствовала глубокая и широкая по-
становка всякого частного вопроса. „Раз-
сматривая различные формы сказуемого,
его отношения к субъекту.... проф.
Потебня и много случаев доказывает
то руководящее положение, что в син-
таксисе, как и в фонологии и этимо-
логии, „ $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \beta\epsilon\iota$ “ = что в этой области
нет мертвой точки..... Наоборот,
всюду пробивается бодрая жизнь и не-
прерывное движение от простей-
шего к сложному, от случайного
и предразвешенного к определен-
ному и ясному.... В движении
языковая форма мало по малу об-
рисовалась и конечная цель его: по-
стоянное торжество духа надъ
материей, мысли надъ формой“
(стр. 207-я).

Затем Гудимович отли-
чается в этом труде лишь очно-
зримый и явный критиче-
ским, и сильно тавтологичным и са-
мим Александром Васильевичем не
достаток — это чрезвычайная

тость, а вследствие этого и неясность изложения. Будиловичъ пытается такъ объяснить ея происхождение: „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта апокалиптическая темнота» происходитъ з. м. отъ глубины и высоты мысли“ (стр. 209-я).

Будиловичъ заканчиваетъ своего замѣтку пофелатіемъ, „чтобы авторъ достроилъ на заложенномъ или фундаменте всё зданіе русскаго синтаксиса“, которое послужитъ образцомъ для позднѣйшихъ изслѣдователей и оосивитъ школьную сфастику „многоми почпочвенной влами“.

Въ послѣднее время Поттебня занималась народной поэзіей, которая собственно: лерсала ещё въ основѣ его раннихъ ммологическихъ работъ. Поэтичскіе мотивы въ народной поэзіи являлись мавною задачею изслѣдованій нашего уважаемаго профессора. Отзывовъ

*) Въ настоящее время совершенно готова къ печати 3-я часть „Записокъ по русск. грамм.“

о трудах Т. в этой области, кроме одного, довольно поверхностного, помеченного в „Н. ст.“ (о нем я буду говорить ниже) не было. Поэтому А. Тышину приходится говорить об этом периоде деятельности А. А. и сказать от себя. Впрочем исполнив поговорку: „семь бьешь, один ответ“, Тышин разом высказывает и свой общий взгляд на деятельность и значение Полежаева.

„Эти новые труды ученого автора, говорит Тышин, в высшей степени ценны для специалистов громадную массу наблюдений над стилем народной поэмы, ее метафорическими и символическими образами, мифологическими намеками, психологической подкладкой: тем, однако, что автор все время остается только изыскателем-комментатором, собирает богатый материал любопытных сопоставлений и уклоняется от общего вывода о стиле и мифологическом содержании изысканных им областей народной поэмы, вывода, который в руках многоопытного изыскателя мог бы быть особенно поучителен, между прочим как руководство для подтверждающих работников на этом поприще. И здесь (т. е. в позднейших трудах), продолжением Тышина как и прежде исторический элемент развития затронут мало, и когда к тому же предмету обращается изыскатель, выходящий из другой точки зрения и с другим приемом анализа, — они как будто говорят о разных предметах. Также, встретились на вопрос о происхождении и содержании колядок и. Потебня и А. Н. Веселовский,

и нужны новыя изслѣдованія, и чтобы привести насъ законно-
 стия къ общему знаменателю, изъ бы они взаимно себя
 ограничили и дополнили". (т. II стр. 1533). — Такъ за-
 канчивается свое мнѣніе о Потебнѣ г. Пыпинъ.

Да, "жалъ" скажемъ и мы великъ да Пыпинъ, что По-
 тебня, "насколько извѣ^{но} не сдѣлалъ своихъ окончательныхъ
 выводовъ, но только объяснилъ это не „уклоненіемъ“
 (какъ думаетъ Пыпинъ) и абсолютной невозможностью
 для А. А. въ настоящее время дѣлать такіе обобще-
 нія. Произвести подобный приговоръ можетъ чуждый
 незнакомый лично съ Потебней, не вдумывавшійся въ
 его сочиненія или даже просто нечитавшій насъ
 со вниманіемъ; — каковы именно и является г. Пыпинъ,
 какъ это можно усмотрѣть изъ его рецензій. Намъ,
 сущителю А. А., хорошо извѣстно, какъ строго
 относится онъ къ своимъ заключеніямъ и выводамъ
 даже о частных, мелкихъ явленіяхъ. Какова же должна
 быть эта строгость въ отношеніи къ тѣмъ выво-
 дамъ, которые предназначаются „какъ руководство
 для судящихъ работниковъ на поприщѣ фило-
 логіи“? Въздъ у А. А. накопившіеся за послѣдніе
 20 лѣтъ матеріалы еще не изданы, (— въ этомъ
 упоминаетъ въ автобіографіи А. А. —), а безъ обноро-
 дованія этихъ матеріаловъ какъ же можетъ онъ
 дѣлать окончательные выводы?! Неужели г. Пыпинъ
 думаетъ, что Потебня безъ него не знаетъ истины
 своихъ выводовъ или не дѣлаетъ ихъ лишь въ силу
 одной „уклончивости“?

Из данной статьи г. Пытинъ слагалъ Потебню на
свой аршинъ. Заключительное мнѣніе Пытина объ
Вл. Лв. („въ 60^х гг. появляются первые труды г. Потебни
занимающаго теперь одно изъ первыхъ мѣстъ, если не
первое въ ряду русскихъ филологовъ“ — стр. 147 т. II) —
именно своею уклончивостью возмущило г. Ламан-
скаго, который въ рецензій на это мнѣніе останавли-
вается именно на только что приведенномъ пунктѣ,
минуя проіе недочеты. Ламанскій опредѣляетъ значеніе
Потебни слѣдующими словами: „по обширности и основ-
тельности знаній, по глубинѣ и тонкости проицаній
во внѣшній составъ и внутренній строй языковъ, зна-
нію и пониманію народной поэзіи, какъ всего славянскаго
такъ и литовско-лѣтскаго племени, профессору Потебнѣ
принадлежитъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ
ряду европейскихъ филологовъ вообще, а въ міръ славян-
ской положительно первое мѣсто.“ (Ж. Стар. вып. 3-
стр. 219-20.)

Можно пожалеть, что г. Ламанскій не остановился
подробнѣе на мнѣніи Пытина: быть можетъ онъ
прощалъ бы туманность и неопредѣленность
пытинскаго отзыва о первомъ періодѣ научной дѣ-
тельности Вл. Лв.: о трудахъ лингвистическихъ.
Довольно вѣрно въ некоторыхъ отношеніяхъ оцѣнку дѣ-
тельности Вл. Лв. даетъ статья Н. С. „по поводу 30-
лѣтія служебной дѣятельности проф. А. А. Потебни“.
Я опускаю изъ этой статьи то, что было сказано
уже въ предыдущихъ отзывахъ; интересна лишь

Н.С. определить значение трудов А.А. в народ-
ной поэзии и в области маорусского наречия (о чем
даже не упоминает). „Для будущей составител
толкового словаря, говорит Н.С., филологические
труды А.А. Поттебни несомненно будут настоя-
щей книгой“. Переход Поттебни от работы филологи-
ческого характера в область народной поэзии Н.С.
объясняет так: „от изучения лексического состава яз.
идет шаг до изучения народной поэзии, пре-
имущественно песни, где слово сохраняет весь свой
художественный смысл и выразительность“. Однако
главная заслуга Поттебни в области народной
поэзии, по мнению Н.С. является то, что он выдвиг-
нул в основу классификации поэмы их разнород-
ную не менее важную - отыскание в „Слове о П. Игор“
народно-поэтических элементов. (См. Дополнения).

Вообще статья страдает несколько односторон-
ностью и тем, как бы суживает представления о
таланте и заслуге Поттебни в науке. Однако в
конце статьи находим несколько теплых, да-
вательных правдой строк по адресу юбиляра:
„Участвуя молодцом историко-филологического о-
бщества А.А. всегда оказывал большое нравствен-
ное влияние. Студенты, и старые, и новые, уважа-
ют в нем А.А. человека глубоко предан-
ного науке, постоянно работающего, полного хо-
теи в избранной им области филологиче-
ских знаний, независимого, самостоятельного,

строгаго и требовательнаго къ себѣ и къ другимъ.

Ал. Ал. — профессоръ въ нашемъ значеніи этого слова: онъ не только сообщаетъ свѣдѣнія, но и открываетъ пути для насъ пріобрѣтенія, и возбуждаетъ охоту къ усвоенію и разработкѣ насъ путемъ самостоятельной работы и исключительновсему духовной пылкости. Студенты — филологи въ научной деятельности и въ нравственномъ характерѣ Александра Александровича находятъ поддержку и опору своимъ научнымъ представлениямъ о значеніи профессора и университета" (К. ст. 571-2). — Насколько правдивъ этотъ отзывъ каждый изъ насъ знаетъ по личному опыту.

Уже на основаніи вышеприведенныхъ мнѣній можно суждать насколько велико значеніе, насколько велики заслуги Александра Александровича, какъ ученаго и какъ учителя. Еще величавѣе и въ то же время обаятельнѣе, симпатичнѣе становится личность Александра Александровича, когда мы прочтемъ его простое исполненное глубокой правды повѣствованіе о своей жизни и деятельности.

^{*)} Значеніе Ал. Ал., какъ выдающагося ученаго, б. признано и за границей. Онъ состоялъ, напр., членомъ Германск. общ-ва наукъ. Есть свѣдѣніе, что въ Берлинск. и парижск. университетахъ поставлены бюсты Ал. Ал.

Автобіографія

Александра Аванисевича Потебни.

(полн. в III том. „Исторіи русской этнографіи Пыпина,
стр. 420-42. Дополн.)

Какимъ образомъ этотъ интересный документъ попалъ въ руки Пыпина, объясняется изъ нѣсколькихъ строкъ, предпослан- ныхъ Пыпинымъ тексту автобіографіи: „Приводимъ здѣсь, гово- рить Пыпинъ, данные изъ его (Ал. Ав.) письма“, принося ему ис- креннюю признательность за это сообщеніе. Читатель, безъ сомнѣнія, оценитъ интересъ приводимыхъ данныхъ, указываю- щихъ пути, какими двигалась наша наука въ этой новой области (этнографіи).“

За симъ слѣдуетъ самая автобіографія:

„Родился я, пишетъ Потебня, въ Роменскомъ уездѣ Полтавской губерніи, дворянинъ. Учился сначала въ Жадовской гимназій (въ бывшемъ царствѣ польскомъ), гдѣ дядя мой по матери былъ учителемъ. Въ 1851 году, исполнивъ 16 лѣтъ, поступи- ливъ въ Харьковскій университетъ, (потому что въ немъ въ 20^{мъ}, 30^{мъ} годахъ кончили курсъ трое моихъ дядей по ма- тери), на юридическій факультетъ.“

„Одноклассники познакомили меня съ Мик. Вас. Нѣ- говскимъ, тогда медикомъ 5го курса, любителемъ и умѣ- лымъ собирателемъ мало-русскихъ народныхъ пѣ- сень. Нѣкоторые фрумы, записанныя имъ напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но, какжется, большая часть его собранія, сколько помню, повидѣу очень обши-“

*) Въ отвѣтъ на просьбу Пыпина.

Автом. III

стало, затеряна. Въ завѣдованіи Ныровскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій по маорусскому языку и относящихся до маоросіи. Этою библіотекою я пользовался, что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія.

Въ слѣдующемъ году, отчасти по совету Ныровскаго, я перешелъ на историко-филологическій факультетъ и тогда же поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Окончилъ въ 1856 году кандидатомъ и утвержденъ въ этой степени по представленіи диссертациі: "Первые годы войны Хмельницкаго" (по Пасторію, "Bellum scythico-saracenicum", по Реннелю и народнымъ пѣснямъ). Сочиненіе это не напечатано. — Какъ казеннокоштный студентъ и за неименіемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, былъ назначенъ кошатнымъ надзирателемъ въ 1^ю харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ возможность замѣстить себя на мѣсто другія, отказавшіеся отъ экзамена (по нынѣшнему нѣтъ: 223 р. съ коп.), и, по совету П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о систематическихъ занятіяхъ ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ благодаря снисходительности П. А. и В. А. Лавровскихъ, я оставленъ былъ при университетѣ. Первые мои печатныя сочиненія: "О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи", и "мысль и языкъ". Это было, какъ извѣстно, время, когда, послѣ долгаго перерыва, стали задумываться о пополненіи университетовъ новыми пре-

порывательскими силами. Я был в число первых, отправ-
ленных из Харьковскаго университета за границу
в 1862 г. Вернулся через год. Занялся до защиты доктор-
ской²⁾ диссертации: „Из записок по русской граммати-
ке I и II“, ^{2*)} в 1874 г. был доцентом, затем д.-орф. и
орф. профессором по кафедре русского языка и словес-
ности.”

“Мастерской диссертацией А. А. было исследование „о
многочесном значении некоторых поверий и обрядовъ”
1865 г., на которое Т. Лавровский написал пространную кри-
тику. (См. доп.).

2*) Это сочинение награждено было Ломоносовскою преміей, и
А. А. назначенъ в члены-корреспонденты Академіи Наукъ.
Въ этомъ же 1874 г. Помежня избранъ былъ членомъ въ открыв-
вавшееся въ то время въ Харьковѣ историко-филологическое
общество, а съ Сентября 1878 г. состоялъ председателемъ
этого общества. Вплоть до 11го Октября 1890 г., (когда тяжё-
лая болѣзнь сократила и безъ того уже ослабѣвавшія фи-
зическія силы, поддерживаемыя лишь поразительною бодростью
духа А. А.), Помежня ревностно исполнял свои обязанности
какъ председателя общества; принимая энергическое
участіе въ обсужденіи читаемыхъ докладовъ, о чемъ красно-
речиво свидѣтельствуютъ протоколы общества. Но физиче-
ская немощь сломила духовную крепость, и А. А. принужде-
нъ былъ отказаться отъ председательства, о чемъ и удовле-
вилъ общество свидѣствующимъ письмомъ, (интереснымъ для
характеристики душевнаго строя А. А.) на имя секретаря общества:
М. Г. Николая Федоровича! Покорнѣйше прошу Васъ передать г.

Мнѣ кажется, продолжается А. А. я вижу помощи, на которой была меня судьба. Некоторая склонность къ вопросамъ не имѣющимъ непосредственнаго такъ-наз. эстетическаго значенія, (каковъ исчерпывающій все языковѣднѣе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову) не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многие, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Поповичъ (полякъ; его ученикъ между прочимъ А. Потляревскій). Таковы же были и мои однокурники, ученики Курской гимназіи. Я нахожусь сродство между собою и некоторыми давно умершими родственниками по отцу, получившими (постаринному) буквально-грошовое образованіе (за выучку у двѣхъ копа грошей и горшокъ каши). Петка мой по Четьишъ-Минейшъ рѣшила философскіе вопросы ист.-фил. общества выдать съ благодарностью за преслѣніе избранія моею просьбу: на сей разъ не подвергать меня баллотировкѣ, такъ какъ, въ случаѣ избранія, я по нездоровью принужденъ буду отказаться отъ званія председателя.

Съ совершеннымъ уваженіемъ А. Потемня. (см. сб. и. ф. о. ва Вып. 3-й стр. 49)
Но общество на этотъ не успокоилось: снаряжена была комиссия (Фриновъ, Сулицовъ, Багалый и Лащенко) къ А. А., съ целью просить Потемню остаться председателемъ. Получивъ вторичный отказъ Потемни. Тогда общество въ благодарности за труды рѣшило поднести А. А. адресъ, ни въ какомъ отношеніи не представляющій интереса. Имѣющимъ познакомиться съ его текстомъ отсылаю къ сб. и. ф. о. ва. Вып. 3-й. Съ этимъ поръ здоровье А. А. ^{все} уладилось.

да, а дядя, рано убитый на Кавказе, какъ много говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько турецкаго нарѣчій.

Въ Радомской гимназіи, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если въ послѣдствіи меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что смолоду не зналъ никакихъ грамматическихъ учебниковъ. Тамъ я выучился польскому (на этомъ языкѣ преподавалось большинство предметовъ; русская въ гимназіи было всего нѣсколько) и въ семьѣ дяди - нѣмецкому. Тамъ же приобрѣлъ охоту къ легкому чтенію. Съ университетомъ могу сказать, что въ общеніи онъ давалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать, разсматривая порою преподавательскія силы. Бываетъ и иначе, когда много дается и мало получается.

Тогда многое бралось съ вѣтру. Напр., въ преподаваніи - полное отсутствіе философіи. Пошку и психологію читалъ профессоръ богословія свѣщ. Г. И. Лебедевъ. Записокъ всего нѣсколько листовъ. Однако первый, буквально повторявшійся изъ году въ годъ, строки вѣщностельной лекціи всеобщей исторіи Рославскаго Петровскаго (М. Г. Истина состоитъ въ сошн сій нашей представленій съ дѣйствительнымъ бытіемъ вещей, но, обураваемый страстями, ограниченный вліяніемъ матеріи, "шововскъ" и пр.) возбуждалъ движеніе мысли, какъ теперь вижу, довольно самостоятельное, потому что о Кантѣ и т. п. тогда ни я, ни мои товарищи не слышали. Два изъ трехъ преподавателей классической филологіи были люди со свѣдѣніями; О. А. Валмузкій считался даже очень

хорошими преподавателями; однако видно, что в мое время по-латыни, по-гречески в университете словесники забывали, что знают, а знали, как я сказал, пофасские и курские гимназисты достаточно (сезина ретовъ въ числѣ моихъ 9^{ти} товарищей не было.) Древности и исторія литературы греческой и римской состояли изъ негодной библиографіи и номенклатуры. — Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давидова А. П. Метлинскій, украинскій (тогда еще этого термина не было) и добрый человекъ, но слабый профессор. Его сборникъ "Южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ" былъ первой книгой, по которой я учился присматриваясь къ явленіямъ языка. Позднѣе Н. А. Мавровскій, перешедшій съ кафедры педагогики на кафедру русской словесности, указавъ на "мысли объ исторіи русскаго языка", Срезневскаго. Фонетика славянскихъ нарѣчій была тогда у насъ новостью, для большинства страшною. Студенты дружная фракція — товѣ советши покарасну прозывали словесниковъ юсами и буквофадами: юсавъ словесники обыкновенно не одолевали и сами чувствовали въ немъ не меньшее отвращеніе, чѣмъ нынѣшняя молодежь къ латинской и греческой грамматикѣ. — Русская исторія читалась хорошо. А. П. Зернинъ говорилъ растянута, некрѣпко, но довольно и свободно не по тетради и не вычитывая дома наизусть, какъ должны нѣкоторые другіе.

47.
Составление за мной записок было много полезно во
многих отношеніях. Я через П. Лавровскаго позна-
комился съ грамматикой миклошича, трудами Ка-
раджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня влія-
ніе, указку Костомарова „о историческомъ значеніи
русской народной поэзіи“, сочиненіе, которое въ неко-
торыхъ отношеніяхъ много не нравилось, и статью
Буслаева „о эпической поэзіи“. Затѣмъ, къ сожалеанію
многими свѣдѣніями я не пользовался и работамъ какъ и
теперь, вполне чужденно. Благодаря П. Лавровско-
му я сталъ заниматься славянскими языковѣдѣніемъ
и оставленъ при университетѣ; но пользоваться
имъ я себя не считаю. — Большіе пробѣлы школь-
наго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ
поздно, когда садиться за указку было уже неудобно.
Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не
стоитъ), а школьными образцами учился санскри-
ту у Вебера: дома тщательно готовилъ, а въ ауди-
торіи, съ маэу на маэу, сдавалъ урокъ; характер-
но, что сифа одинъ-на-одинъ сестрѣ по 4 или
5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни
одного слова, не относящагося къ уроку. (А. Губерна-
тисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементар-
ный курсъ, гдѣ слушателей было 5-10). Это могло
бы имѣть рошительное вліяніе на мои позднѣй-
шія занятія, если бы продолжалось не сестрѣ,
и 2-3 года, но время тогда было мало распола-
гавшее къ такимъ занятіямъ; тоска стала одо-

итьвать и я через годъ самовольно вернулся въ Россію.
 „О настоящая и будущая своя работа могу
 сказать только что работать становится труд-
 нѣе, и я не знаю, удастся ли выступить въ свѣтъ
 то, что накопилось за 20 и больше лѣтъ. Наибольше
 интересуютъ меня вопросы языковѣдѣнія, понимаемо-
 го въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое
 и научное мышление) „суть явленія языка“. — Въ послѣд-
 ніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсы теоріи
 словесности, построенный на этомъ положеніи.
 На очереди у меня грамматическая работа, свя-
 занная съ этимъ курсомъ, носящая два загла-
 вія: — для публики: „Объ измѣненіи значенія и загла-
 вная существительная“, для меня — „объ употребле-
 ніи въ мышленіи субстанцій ставимыхъ личными“
 или „о борьбѣ личнаго мышленія съ относитель-
 но-научнымъ въ области грамматическихъ ка-
 тегорій.“ (по даннымъ преимущественно русскаго язы-
 ка). Въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая,
 что философскія обобщенія такихъ то по имени чле-
 ныхъ основаны на философской работѣ безимен-
 ныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что
 напр., математика, оперирующая съ отвѣченными
 именомъ, отвѣченною величиною, возможна лишь
 тогда, когда языкъ перестаетъ естественнотно
 навязывать мысль о субстанціональности, веще-
 ственности числа, и въ противномъ случаѣ вели-
 чайшій математикъ и философъ какъ Платонъ

ири, долженъ будетъ остаться въ этой субстанции
нальности."

Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народ-
ности, замѣствованіи и т.п., въ печать попада-
ли только строки, напр. въ разборъ „Пьсенъ Голо-
вацкаго.“ —

Вотъ и вся автобіографія Аи. Аонасевича. Я позво-
лю себѣ пополнить послѣднія строки ея нѣко-
торыми выписками изъ разбора „Пьсенъ Голова-
цкаго.“

..... „Народность реальна по отноше-
нію къ своему прошедшему, но какъ условленная
или совокупность способовъ воздѣйствія на ко-
вѣе вѣдѣніе (вѣдѣніе, но не непременно инород-
ныя, ибо въ конуъ конуовъ и народная ^{происходитъ} жизнь
въ „я“, для котораго все имѣющеее есть вѣдѣ-
ность); она формальна до такой степени, что
съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, или
бы постепенное отрицаніе предѣла содержанія.

„Языкъ соизмѣно съ этимъ есть не только одна
изъ стійей народности, но и наиболѣе совер-
шенное ея подобіе. Какъ немалыма точка зрѣнія,
съ которой видны были все стороны вещи, какъ
въ словъ невозможно представленіе, исключато-
щее возможность другаго представленія: такъ
невозможна всеобъемлющая, безусловно-лучшая
народность. Если бы объединеніе челоуѣчества

по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы идеалью для человеческого мысли, какъ замѣно многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаниемъ, а зрѣніемъ. — Для существованія человека нужны другіе люди, для народности — другія народности. Какъ немногими знаками выражаются безконечныя мысли и какъ нѣтъ языка и народа, которые не были бы способны сдѣлать орудіями неопредѣленно разнообразной и глубокой мысли, которая однако никогда не можетъ сравниться съ познаваемымъ, такъ всякая народность, хотя бы и низшая, и рѣдѣе способна къ безконечному едностороннему развитію." (см. "Отчетъ о 22^{мъ} присудіи Увар. напр." стр. 92-3^а).

... "Многія мысли и многіе образы не лишены общаго значенія, вовсе бы и не родились безъ „провинціи сильнаго мартовъ"... (ib. стр. 95^а).

... "Народность, помогающая дружно, после безцѣльной траты своихъ силъ, все таки въ концѣ концовъ приводитъ эту дружную къ распаденію". (ib. 97^а).

Все это сказано по поводу сътованій Головацкаго, что малорусское населеніе Галицкой и Жореской Руси въ высшей степени угнетено. Мнѣ кажется, что это были одни изъ твоихъ мыслей, изъ коихъ знающіе люди вывели заключеніе о либерализмѣ А. А., что какъ извѣстно печально отразилось на судьбѣ и положеніи А. А. въ научномъ мірѣ, да конечно не менѣе трагично и на его здоровье

Я здесь выписал лишь немногие отрывочные места, характеризующие взгляды А. А. на общечеловеческие вопросы, открывая таким образом лишь уголок мирозерцания А. А. и представив лишь весьма немногие образчики глубины его мысли. Мне думается, что эти глубокие и смелые мысли рисуются в изобилии во всех сочинениях Потебни, даже самого специального характера, и что, если их собрать воедино, то получится бы весьма интересный и почтительный сборник, могущий занять почетное место в ряду подобных сборников изречений европейских мыслителей. Это с одной стороны - общее, так сказать, а с другой - перед нами предстанет бы больше или меньше рельефно образ нашего дорогого профессора и наставника.

Продвигать эту работу камердинер из нас вступительности немислимо, поэтому я обращаюсь к содействию всех моих друзей, кому дорог А. А., принять на себя часть труда.

С этой целью я прилагаю ниже по возможности полный список сочинений А. А., с указанием, в каких журналах они были помешены, и предлагаю каждому желающему содействовать созданию сборника, подыскать эти сочинения, и выписывать из них подходящих материал по мере возможности. Интересны также личные воспоминания и выписки из лекций, читанных А. А.

Списокъ сочиненій А. А. Потебни.

- 1, Первые годы войны Ашкеницкаго (Сочинение не напечатанное — кандидатская работа Потебни. Вероятно хранится въ Харьк. архивѣ у-ской. Напис. въ 1856 г.).
- 2, О некоторыхъ символахъ въ славянской народн. поэзи. (Харьк. 1860 г.).
- 3, „Мысль и языкъ“ (рядъ статей политическая въ Ж. М. Н. за 1862 г.).
- 4, „О связи некоторыхъ представлений въ языкѣ“ (Филолог. Зап. за 1864 г. т. III 137² Отдѣльн. оттиск. Воронежск. 1864 г.).
- 5, „Два изсѣдованія о звукахъ русскаго языка: I, О помочахъ“ (Филолог. зап. за 1864 г. V 201) и II О звуковыхъ особенностяхъ русскаго нарѣчій” съ приложеніемъ образцовъ наименѣе извѣстныхъ малороссійскихъ говоровъ. (См. „Филолог. Зап.“ 1865 г. I-III) Отдѣльно оба изсѣдованія — Воронежск. 1866 г.).
- 6, Заимѣтка на заимѣтку о „Кикѣ“ см. фил. Зап. 1865 г. I т.).
- 7, „Заимѣтки о малороссійск. нарѣчій“ образ-

цы маюр. говоры (фил. зап. 1865 г. I, III-V. тома).

8. „О мифическомъ значеніи некоторыхъ обрядовъ и повѣрій: I, Рождественскіе обряды II Баба-Яга III Змѣй Волкъ Вѣдьма“ (Въ „Искренній“ Моск. общ. ист. и древн. за 1865 г. кн. 2-3; и отдельно) (Критическій разборъ этой статьи сдѣланъ П. Лавровскимъ въ „Искренній“ же за 1866 г. кн. 2.)

9. „О фоль и сродныхъ съ нею существахъ“ (Въ „Древности“ Моск. археол. общ. т. II, и отдельно 1867 г. Москва).

10. „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ (Въ „Архив. Вѣстн.“ Моск. арх. общ., и отдельно 1867 г. Москва.)

11. „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака“ 1867 г.

12. „Записки о маюр. нарѣчій“ (фил. зап. 1870 г. и отдельно въ 1871) (Срезневскій въ VIII т. Сб. II отд. ак. наукъ стр. XII отозвался объ этомъ трудѣ такъ: это изслѣдованіе представляетъ очень подробное разсмотрѣніе афрактеристичн. чертъ маюр. выговора и употребленій звуковъ, насколько возможно историческое, начиная съ XII-XIII в. и вплоть сравнительное. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ своего времени“.

- 13., Изъ записокъ по русск. грамматикѣ. I Введение (филолог. Зап. 1874 г. и отд. 1874. Воронеж) (Разборъ - въ „Принадлеженія Ломоносовск. прем.“ за 1874 г.) - (которыхъ я не могу достать).
- 14., Изъ запис. по русск. грам. II Составныя части предложія и ихъ замѣны въ русск. яз. (изъ Зап. Харьк. у-та 1874 г. I-III т.) и отдѣльно 1874 г. Харьк.)
- 15., Орфограф. зам. с ситн. употр. стр. не „сглаз.“ (Фил. Зап. 1875 VI т.)
- 16., Изъ ист. звуковъ русск. яз. вып. I (Ж. М. Н. П. 1873-4 гг. и Фил. Зап. 1875 г. и отд. 1876. Воронеж)
- 17., Малорусская народная пѣсня по списку XVI в. текстъ и примѣчанія (Фил. Зап. и отд. 1877 г. Воронеж)
- 18., „Слово о полку Игоревѣ“ текстъ и примѣч. (Фил. Зап. 1877-8 гг. и отдѣльно 1878 г. Воронеж) (Критическія замѣчанія на этотъ трудъ собраны Барсовымъ въ „Словы о п. Игор., какъ худож. пам. Киевск. Дружинной Руси“ т. I стр. 152-4 и разбросанныя въ различныя мѣста отдѣльные замѣчанія. Я приведу лишь замѣчательныя слова г. Барсова: „Такимъ образомъ г. Потебня, своимъ авторитетомъ положилъ основаніе новому ученію скептицизму (- А. Д., какъ

известно, выказав предположение, что искажен-
ный въ "словъ" мѣста образовались изъ гласъ т. е.
написанъ на поляхъ черновой рукописи, которые
переписчики не поняли, и замѣнили своими толко-
ваніями и домыслами —) въ отношеніи доседа-
шю до насъ текста, скептицизму болѣе опасно-
му, чѣмъ скептицизмъ старый, такъ какъ, открывае-
тъ екоизк... для всевозможныхъ гаданій и не-
правильній, онъ грозитъ нашему миновестроуно-
му* памятнику, какъ называетъ его Потебня, но-
выми безконечными выбами со стороны посмо-
дующихъ комментаторовъ." Стр. 154.

- 19., Къ исторіи звук. русск. яз. Вып. II^е (Русск. фии.
В. 1879 г. и отдѣльно 1880 г. Воронежъ) 19^е ст. въ "Р.
Фии. В." за 1879 г.: 1, "О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія
нѣбности на согл. звуки" 2, "Голосъ - спасае, ту-
ма понаше". 3, "Замѣтка о двухъ пѣсняхъ".
- 20., Разборъ книги П. Китецкаго "Обзоръ зву-
ковой ист. малорос. нарѣчія" 1876 г. (Вид. "от-
четы о присуд. увар. прем. за 1878 г.)
- 21., Разборъ народныхъ пѣсень халицкой и цгор-
ской Руси Шоловцакаго (Зап. Акад. Наукъ т.
XXVII въ 22 отчетъ о присуд. уваровск. прем.)
- 22., Къ исторіи звуковъ русскаго яз. Вып. 3^е
(Русск. фии. Вѣстн. 1880-1 г., и отдѣльно 1881 г. Варш.)

* Въ этомъ же году А. А. Потебня помѣстилъ въ "Фии. Вѣстн." мекрпостъ и В.
Потебня, приложеніемъ и къ отписку сочиненія Потебня "Синтаксисъ и исторія русскаго языка".

(Отзывъ Ягера въ „archiv für N. D.“ за 1882 г. — Ограничивъ спеціально примол. замѣтъ. о нѣкоторыхъ словахъ)

23.) Русск. яз. вып. IV (русск. примол. Восток. 1881-2. и отдѣльно Варшава) (Замѣтка Ягера въ „archiv für N. D.“ за 1884 г. — касается нѣкоторыхъ деталей.)

24., Объясненіе малор. и средн. нар. пѣсенъ (Русск. прим. В. 1882-3 г. и отдѣльно 1883 г. т. I (Всѣмъ) Варш.)

25., Объясненіе малор. и ср. нар. пѣсенъ (Р.Ф.В. 1884 г. и отдѣльно 1887 г. т. II (Колѣдки и щедровки) Варш.)

Всего было дано отзывъ Сущевскому „Научное изученіе колѣдокъ и щедровокъ“. Я приведу изъ него лишь болѣе или менѣе существенное: „... Въ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, напр. изслѣдованіи А. А. Потебни о колѣдк. и щедр., какъ и слѣдовало ожидать сильно ограничено лингвистическая сторона колѣд. и щедр. Многие устранило, какъ подлежащее болѣе основательному объясненію съ точки зрѣнія литературнаго и бытоваго замѣтванія“... (стр 8^а). „... Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колѣдка поставлена цѣлью изученія“ (— а не какъ средство изученія народнаго міросозерцанія —) Въ изслѣдованіи Потебни колѣдки и щедровки разложены на составные элементы разобраны по мотивамъ, и разобраны съ большимъ орудіемъ и съ образцовою научною строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренны ли фактами. Стр. 18.

26., Значение множ. числа в русск. яз. Воронеж 1888.)

27., Из записок по русск. грамматикѣ. I Введе-
ние II составные члены предложения и ихъ служеб-
ны". Харьков 1889, изд. 2^е (Записка Н. в. русск.
гр. В. за 1888г. - посл. кн., где критикуется опре-
деление слова, данное Потебней. „Оно (опредл. сл.)
говоритъ не о томъ, что мы называемъ сло-
вомъ, а о томъ, что н. б. названо единицею
или индивидуумомъ речи". Вообще рецензентъ
ставитъ вторую гл. записокъ далеко выше первой.

28., Этимологическія замѣтки (Лев. стар. 1891.
вып. 3^е). Здѣсь Потебня выясняетъ темный до
сихъ поръ смыслъ слагающую словъ „Балала-
Будинъ“ Бѣлая Русь“ Бурташники“ Болонь-Бристу-
новъ“ „Волотъ (мир „вмѣстѣ“) „Кобыль гол-
ва“. Подопришьтъ“ Попа въ рѣшети возити“
Русалки и петрушка“ „Соловей разбойникъ на
дубахъ“ туръ перной, Ягуна, Ягуль“) на эту
статью А. А. в. „Р. Ф. В.“ за 1891г. кн. 2^я появи-
лась довольно слабая критическая замѣтка
неизвестнаго автора.

Кроме того А. А. по просьбѣ дарковска-
го комитета принялъ на себя редактированіе сочиненій
Г. В. Квитки-Основьяненко. Въ настоящее
время вышло уже 4 тома изданныя безу-
коризненно, классически, на что указывали въ
Листѣ II.

свои брания рецензенты газетъ и журналовъ. 18 Ноя-
бря 1878 г. Котевня читала публичную лекцію о
Витткѣ (по поводу исполнившагося столѣтія со-
дня рожденія великаго украинскаго писателя,
напечатана ли была эта лекція где-нибудь;
мною неизвестно? Неизвестно также где по-
лученъ подробный отзывъ о литовско-рус-
скомъ словаре брательнѣ Юшкевичей, сдѣлан-
ный Ан. Ао. по предложенію Академіи Наукъ.
(См. Зап. Ак. Н. т. XXXI 1877 г. стр. 86-7.)

По инициативѣ же и совѣту Ан. Ао. осно-
ванъ былъ въ 1879 г. „Русскій филологическій Вѣст-
никъ“ — ученикомъ Котевни Колосовымъ.

*) См. Дот.

В.

Дополнения.

— Къ 2-ой страницѣ. Фамилія Ал. Авъ объяснена или салимъ „По-тебнѣ“, или „потѣбнѣ“, тогда что „тебенъки“ — коорсанъ по части по бокамъ казавъ его судла. (А. Потѣбнѣ. Кзистъ. звуковъ, IV, 49).

— Потѣбнѣ обратилъ серьезное вниманіе на лексическую сторону языка, — вопросъ до сихъ поръ не тронутый еще филологами. Только Дель (Толковный словарь) интересовался этой стороной языка. Въ познѣйшее время (въ прошломъ году) въ этомъ направленіи сдѣлана была неудачная попытка Максимовича. (Жъ 23 стр.)

— Свою докторскую диссертацию Ал. Авъ защищалъ въ 1874 г. Официальными оппонентами у него были М. С. Фриновъ и Н. А. Павловскій. По словамъ Н. В. Сумцова, присутствовавшаго на этомъ диспутѣ, диссертантъ поразилъ его своимъ спокойствіемъ и величавостію во время споровъ. (Жъ).

— Въ „Харьковскихъ Вѣд.“ за 1878 г. 19го ноября находимъ слѣдующую записку: „Вчера въ часъ по-полудни, въ торжественномъ у-тетскомъ залѣ проф. Потѣбнѣ прочелъ лекцію «О значеніи Квартки — Основъ яненька, какъ родею —

русского писателя, изъ подъ пера котораго въ особенноти духовно-сественно возпуживаеца историческая и бытовая сторона жизни нашего края конца прошлаго и начала настоящаго вѣка. Звлекательное чтеніе господина Потемни вызвало одобренія значительной массы публики, собравшейся въ залѣ." Лекція ея-миль Ал. Ав. не была написана, записана же ея Павловскій и хотѣлъ напечатать въ „Л. Сборн.“, но Потемни не согласился. (Жъ 42 стр.)

— Въ 1885 г. Потемни прочёлъ въ Ист.-фил. Общ.-в. лекцію о П. Павловскаго, въ которой совершенно безпристрастно, не подавъ ни малѣйшаго налёка на существовавшій между ними раньше натянутый отношенія, оцѣнилъ значеніе Павловскаго въ русской наукѣ и исторіи просвѣщенія. (Жъ 42 стр.)

— 11. февр. 1881 г. назначено было засѣданіе И. Ист.-фил. Общ.-ва, посвященное памяти Достоевскаго и Писемскаго. Въ числѣ рефератовъ, прочитанныхъ въ этотъ день, вступилъ и рефератъ Ал. Ав., посвященный разбору мыслей Достоевскаго „о народной правдѣ“, кот-я высказаны Достоевскимъ въ „Зневн. Писаѣ.“ (Зам. одъ 7. см. въ Л. Вѣд. 1881 г. 13 февр.) — Рефератъ таковой не былъ написанъ и слѣдовъ отъ него не осталось. (Жъ 42 стр.)

Жъ списку сочиненій. „Заимѣтки по ист. грам. рус. яз.“ (Ж. М. Н. П. 1873 г. 10 кн. и 1877 г. 3, 4, 10 кн.) —

„Малорус. домашн. апоѣбники XVIII в.“ (Ж. Ст. 1890 г. 1 кн.) —

Упомяну положити начало собиранію пословиц
и заговоровъ Александра Афанасьевича, имѣющаго
болѣе общій характеръ, здѣсь предлагаются нѣ-
которые изъ нихъ.

— . —

Основной, „исчерпывающій“ все языковѣдѣніе во-
просъ“ есть вопросъ „объ отношеніи мысли къ слову.“
(Антобюрография, отпр.

„Ближайшее значеніе слова (составляющее
реальное содержаніе мысли во время его про-
изнесенія) народно, между тѣмъ далѣйшее (=
соотвѣтствующее понятію и образу) у каждаго
различное по количеству и качеству элементовъ,
мысли. Изъ мыслнаго пониманія возникаетъ
высшая объективность мысли, научная, но не та-
кая, какъ при посредствѣ народнаго пониманія,
т.е. языка и средствъ, созданіе коихъ условлено
существованіемъ языка. Мысленный образъ области
языкознанія народно-субъективенъ. Она сопри-
касается съ одной стороны съ областью чисто
мысленной, индивидуальной-субъективной, съ другой —
съ мыслью научной, представляющей наиболѣе
близкую въ данное время степень объективности.“
(Изъ зап. по рус. яз. 2^я кн., I, с. 9)

„Языкъ постоянно остается посредникомъ между познающимъ и вновь познаваемымъ. Какъ вещественные значенія" слова, такъ и формы словъ бытъ разсматриваемы, какъ средство и вѣсть актос познанія."

(Ув. с. 50).

„Формальность языка есть существование въ немъ общихъ" грамматическихъ, разрядовъ, по которымъ распредѣляется частное содержание языка, одновременно съ своимъ появленіемъ въ мисли."

(Ув. с. 53)

„Говорить на формальномъ (— разлагающемъ вещественное" или частное, и грамматическое содержание) языке, каковы аріійскіе, значитъ систематизировать своего мисли, распредѣляя ея по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умственной и критической, необходима намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберечь силу, аріійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственного развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое приложеніе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Hence ребенокъ, дошедшій до правильна

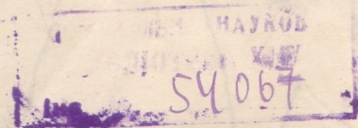
употребления грамматических формъ, при
 всей скудости вещественнаго содержанія своей
 мысли, въ некоторомъ отношеніи имѣетъ пре-
 имущество предъ философами, который поль-
 зуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобнаго
 для мысли". (Тб. с. 24)

—
 "Все заставляетъ думать, что и въ эвектѣ,
 какъ и вообще, за исходную точку мысли слѣ-
 дуетъ признавать чувственные воспріятія и
 въ нихъ комплексы, стало быть нѣчто весьма
 конкретное сравнительно съ отвлеченностью
 общаго качества. Какъ теперь правѣтъ
 ходъ мысли состоитъ въ восхожденіи отъ част-
 наго къ общему, а потомъ, на основаніи этого
 процесса, и въ обратномъ движеніи, такъ бы-
 ло и всегда." (Тб. с. 24)

—
 "... Непосредственную цѣнность для насъ
 имѣетъ только конкретное, и отвлеченія
 изданы лишь ради разработки этого кон-
 кретнаго и поднятія его мысли."

(Тб. с. 24).

Сообщ. Р.

92/2

